

Моим скитальцам: Инди и Раффи

*Ни один смертный еще не разглядел истинную
суть вещей, хоть эти слова нам хорошо знакомы
и повторяются изо дня в день. Мы не способны
увидеть суть вещей: природа задумала так, что
мы воспринимаем их через свою собственную суть.
А от самих себя нам не избавиться.*

Неизвестный автор.
Статья «Суть вещей»
в газете The Atlas, 1831

1

*Мир полон чудес, терпеливо ждущих,
когда мы обратим на них внимание.*

Идэн Филпотс, писатель

Все началось с пальца.

Около девяти утра Тильда заметила, что ее правый мизинец куда-то подевался.

Она знала, что это невозможно. Разве палец может куда-то пропасть? Однако на руке, лежащей на компьютерной клавиатуре, теперь было лишь четыре пальца.

Тильда заморгала, пытаясь осознать эту нелепость. Ожидая, что иллюзия вот-вот рассеется. Но это был не обман зрения. Ее палец действительно исчез. Она даже не заметила, как он... Что, отвалился?

Тильда огляделась по сторонам в поисках ответа. Или, точнее, пальца. Никаких следов травмы не наблюдалось. Ни крови. Ни боли.

Она скользнула взглядом по бумагам, которые надо было заполнить, по снимкам, еще не вставленным в рамки, и по раскиданным тут и там аксессуарам для фотокамеры. Ее внимание привлекла пустая банка из-под комбучи.

Неужели ей что-то подсыпали в комбучу?

Тильду охватил прилив адреналина — абсолютного ужаса. Что, если теперь она сходит с ума?

Дыши.

Она сосредоточилась на том, что точно было настоящим. Кабинет, оформленный в теплых тонах, с деревянным полом и большими окнами, впускавшими естественный свет. Стена с любимыми фотографиями в разномастных рамках. Снимки ее дочерей-двойняшек, Холли и Табиты. Они родились из одного чрева, но были совершенно друг на друга не похожи. На одной из фотографий Холли, рыжая зеленоглазая красавица, смеялась, запрокинув голову, а чуть поодаль стояла невысокая светловолосая Таб, вполне уютно чувствующая себя на заднем плане. Дело было вовсе не в том, что Табита страдала от низкой самооценки — напротив, она была уверена в себе даже больше, чем ее сестра.

Вот они обе стоят у Ангкор-Вата.

Вот Холли играет главную роль в школьном спектакле.

А вот Табите вручают медаль на выпускном.

Вот сестры отмечают двадцатый день рождения вместе с бабушкой Фрэнсис. С тех пор минул почти год.

На стене висели и другие снимки. Лучшие подруги Тильды, Лейт и Али, танцуют босиком у нее в саду с бокалами вина. Типичный вечер пятницы.

Ее пес, Бадди, греется зимой у камина с котом Пиратом, закинув на него лапу.

Прямо сейчас Пират наблюдал за ней, лежа на принтере. Тильда встретила с ним взглядом; похоже, с котом все

было в порядке. Единственный глаз Пирата казался спокойным и всезнающим. Четыре года назад, впервые с ним повстречавшись, Тильда сразу поняла, что Пират многое повидал и многое пережил.

— Мы вряд ли сможем его пристроить, — сказала со-трудница приюта. — Никто не захочет брать кота-инвалида.

Но Тильда знала, каково это — быть одинокой и никому не нужной, и потому принесла его домой. В приюте говорили, что Пират не любит общаться с людьми, но в первый же вечер он запрыгнул к ней на колени и заглянул в глаза. Страхи, сомнения и переживания Тильды тут же улетучились, словно испугавшись кота.

— Ты особенный, — прошептала ему Тильда, утирая слезы.

Пират свернулся клубком у нее на коленях и уснул, будто поверив, что его наконец разглядели по-настоящему.

Даже сейчас, глядя на кота, Тильда успокоилась. В комбучу ничего не подсыпали. Мир оставался прежним, если не считать ее руки.

В чем же тогда дело?

Она мысленно перемотала сегодняшнее утро, пытаясь вспомнить, когда в последний раз смотрела на правую руку. Проснувшись, она выключила будильник, оделась и вывела Бадди на пробежку по пляжу. Бегал, конечно, Бадди, а не она. Как любила говорить сама Тильда, она согласна бежать разве что от погони.

Она гладила пса правой рукой, пристегивала и отстегивала его поводок. Для конца мая день выдался необычно

прохладным, так что Тильда потирала замерзшие ладони, пока Бадди носился туда-сюда. Вернувшись домой, она нашла ключи за горшком с цветами и открыла входную дверь, впуслав Бадди первым. Затем пошла на кухню, сварила кофе, села за рабочий стол и пару минут любовалась рассветом, прежде чем заняться электронными письмами.

— Я ведь обратила бы внимание на пропавший палец? — нервно поинтересовалась Тильда у Пирата.

Тот не смог ответить. Или не захотел.

Тильда поднесла к лицу кулак и один за другим вытянула пальцы, двигая ими из стороны в сторону. Большой палец. На месте. Указательный, а за ним — «грубый палец», как говорила в детстве Холли. Оба в полном порядке. Потом безымянный, он же палец без кольца, «холостой», как называла его Фрэнсис, мать Тильды. Тоже на месте. А потом... Осторожно... Мизинец. На месте.

Что?

Она прекрасно его чувствовала. Он никуда не подевался. Мизинец был на месте — Тильда его просто не видела.

Она отодвинула стул и, спотыкаясь, побрела в ванную. Там, опираясь о раковину, она вгляделась в отражение в зеркале. Как там говорила Сьюзен Зонтаг? «Здравый смысл — это уютная ложь»? Вдруг у Тильды случился психоз или нервный срыв, а она этого даже не поняла? Вдруг она свихнулась? Но ведь тогда она не задавалась бы этим вопросом. Много лет назад ее старый приятель из университета уверился, что за ним следит ЦРУ. Он угодил в лечебницу именно из-за этой уверенности. Насколько Тильде

было известно, люди с психозом всегда считали, что они в полном порядке. Но если она не потеряла рассудок, то что тогда случилось с ее мизинцем? Может, у нее аневризма в мозгу? Аневризмы, говорят, могут влиять на зрение.

«Хорошо, что аневризма не лишает оптимизма», — подумала Тильда.

А вдруг у нее что-то с глазами? Вдруг она ослепнет? Тильда повернулась к стене над унитазом, где висел в рамке плакат с медитирующей мартишкой — подарок от Лейт. Под картинкой маленькими витиеватыми буквами было выведено: «Не держи в себе».

Удостоверившись, что может прочесть слова, Тильда немного успокоилась. Кажется, со зрением все в порядке. Она снова повернулась к зеркалу и взглядела в свои глаза. Никаких странных пятен или чего-то подобного. Но потом, к своему ужасу, Тильда обнаружила, что ее правое ухо тоже куда-то подевалось. Она подняла правую руку — ту самую, без мизинца, — и отвела в сторону прядь волос, чтобы ощупать ухо. Оно оказалось на месте. Ухо никуда не пропало. Но, как и мизинец, оно стало невидимым.

Тильда развернулась к унитазу, и ее вырвало.

2

*Время медленно идет,
но быстро проходит.*

Элис Уокер.
Цвет пурпурный

Плиточный пол ванной комнаты источал такой жар, словно под домом разверзлись врата в преисподнюю. Том считал, что подогрев стоит слишком дорого, но Тильда настояла на своем удобстве. Сейчас, пролежав на полу целую вечность, она порадовалась, что победила в том споре. Том ушел и больше не волновался о вложении, а Тильду тепло успокаивало. Она словно отделилась от тела и наблюдала за собой со стороны. Диссоциация. Впервые нечто похожее произошло с ней в тринадцать лет, когда она нашла в саду мертвое тело отца. Это попросту не укладывалось в голове. Воспоминания воспроизводились в замедленном режиме, словно она увязла в грязи. Хотя, возможно, она и правда двигалась так медленно.

Сейчас происходило то же самое: Тильда увидела нечто настолько абсурдное, настолько немыслимое, что отрешилась от реальности. Время замедлилось, ожидая, пока ее разум осознает происходящее. Но вместо этого она вспомнила Тома.

* * *

— Ты уходишь?

— Верно.

На вопрос о том, бросает ли он ее, Том ответил «верно». Словно она попросила его подтвердить телефонный номер или время визита. Тильда уставилась на мужчину, с которым семнадцать лет жила в браке. «Верно»?

Она обратила внимание, что Том приделся. Привычная трехдневная щетина приобрела более аккуратный вид. Он позаботился о ней, а не просто забыл побриться. Новая стрижка, более стильная. На смену беспорядочным каштановым кудрям, которые Тильда всегда обожала и при первой встрече мысленно назвала «дерзкими и сексуальными», пришла аккуратная прическа вроде тех, что, по мнению мужчин, маскирует залысины. Как она могла ничего не замечать?

* * *

С тех пор минуло пять лет, и, что бы там ни говорили про быстротечность времени, первые годы одиночества сложились из череды бесконечных дней. Ее сердце было разбито, и время ползло медленно, как улитка. Но сейчас Тильда вновь задумалась о теплом поле, который так не нравился ее бывшему мужу, и о том, как быстро пролетели годы. Может, Эйнштейн был прав и время — не более чем навязчивая иллюзия. Она вытянула руки, наслаждаясь теплом. Кто бы мог подумать, что серая плитка с узорами может так успокаивать?

Уж точно не Том.

Он даже не узнает, если она провалиется на полу весь день. Никто не узнает. Но потом Тильда заметила, что на нее смотрят три глаза. Бадди и Пират уставились на нее из дверного проема; один — обеспокоенно, другой — с усталым презрением.

Они в ней нуждались.

Так что Тильда поднялась на ноги.

Опять.

3

*В жизни нет ничего, чего стоило бы бояться,
есть только то, что нужно понять.*

МАРИ КЮРИ

— Рада тебя видеть, Тильда.

Тильда чуть не рассмеялась, услышав слова доктора Маджумдар. Как выяснилось, ее эмоциональный срыв на полуванной продлился всего двадцать семь минут, опровергнув ее теорию времени — ей-то казалось, она пролежала там несколько часов. Покормив Бадди и Пирата, она позвонила врачу. Ни к чему переживать раньше времени — сначала надо во всем разобраться. Тильда всегда отличалась пугливостью. Том обвинял ее в черно-белом мышлении, но на самом деле разум Тильды был расцвечен целой палитрой красок, включая «навязчиво-тревожный лазоревый» и «бурно-воображающий лиловый». В результате она все время о чем-то переживала — о детях, о мировой обстановке, о грядущем зомби-апокалипсисе. Впрочем, с возрастом она научилась не поддаваться страху, а искать решение. Вот что ей сейчас требовалось. Понимание. Может, пропавший палец — это полная ерунда. Недавно ей попалась новость об ирландке, которая после удара по голове вдруг заговорила по-польски, хотя

в жизни его не учила. В интернете полным-полно таких историй. Наверняка и для Тильды найдется подходящее объяснение. И вот в поисках объяснения она прошла три квартала до клиники, не поднимая глаз — вдруг по пути встретится кто-то знакомый?

Они с Томом переехали в Мидл-Бэй вскоре после рождения двойняшек, когда недвижимость здесь была значительно дешевле. Воспитывать детей в пригороде на берегу моря оказалось намного легче, и Тильда сумела уговорить свою лучшую подругу поселиться здесь же. После приезда Лейт и ее мужа Зигги Тильда обосновалась в Мидл-Бэй насовсем. Вскоре они познакомились с Али, после чего Тильда почти каждый день проводила с подругами и их маленькими детьми. То было хорошее время, полное счастья и надежд на будущее. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Сначала от нее ушел Том, потом дочери переехали в город побольше, в часе езды отсюда. Но для Тильды Мидл-Бэй был домом. Здесь жили ее лучшие друзья. Здесь она построила бизнес. Здесь она знала всех собачников, владельцев местного кафе, книжного магазина и парикмахерской. Здесь она называла лечащего врача по имени.

Тильда смотрела, как Гуриндер Маджумдар открывает на компьютере ее медкарту. Последний раз она приходила на прием полтора года назад, чтобы сдать мазок с шейки матки. Очередное неприятное дело, которым тем не менее нельзя пренебречь. Процедура была еще более неловкой из-за того, что дочь Гуриндер, Приша, училась вместе

с двойняшками Тильды. Будучи родителями, они нередко встречались на школьных собраниях, и Тильде всегда казалось немного странным обсуждать барбекю с женщиной, которая видела ее промежность.

Конечно, Гуриндер держалась с неизменным профессионализмом. Каждый осмотр сопровождался дружеской беседой о садоводстве или индийских специях. Как-то раз Тильда сходила в другую клинику, но в итоге продолжила лечиться у Гуриндер: та единственная сумела диагностировать ее аллергию на баклажаны. Гуриндер была прекрасным врачом, а Тильда предпочитала избегать перемен.

— Чем я могу тебе помочь, Тильда? — негромко сказала Гуриндер с мелодичным акцентом. Она как-то раз упомянула, что родилась в Мумбаи.

— Звучит бредово, но... я не вижу свой мизинец. — Тильда положила руку на стол.

Гуриндер прищурилась, глядя поверх очков.

— Он пропал.

Тильда облегченно вздохнула:

— Хорошо, что ты тоже это видишь.

— Точнее, не вижу.

— Именно. Я думала, что схожу с ума. Но если и ты его не видишь, значит, с моими глазами все в порядке и с душевным здоровьем тоже.

— Похоже на то. — Гуриндер пристально ее разглядывала, будто пыталась подловить на противоречии. Ей всегда удавалось вытянуть из пациентов все, что они знали, а потом использовать свои познания в медицине, чтобы

докопаться до сути. Еще одно качество, которое делало ее прекрасным врачом.

— Что-нибудь болит?

Тильда помотала головой. До этого момента ей удавалось держать себя в руках.

— Не болит, но у меня, кажется, вот-вот случится паническая атака.

— Просто дыши. Мы со всем разберемся.

Тильда послушалась. Гуриндер взяла ее за руку и проверила пальцы один за другим, так, как сделала утром сама Тильда. Добравшись до мизинца, она хорошенько его подергала.

— Он на месте, просто стал невидимым, — констатировала Гуриндер. — Когда появились симптомы?

— Я заметила всего пару часов назад. — Тильда убрала волосы с лица. — Ухо тоже куда-то подевалось.

Гуриндер посмотрела на место, откуда должно было расти ухо. Она явно напряженно думала, совсем как в тот день, когда диагностировала у Тильды аллергию на баклажаны. Протянув руку, она подергала Тильду за ухо и издавала задумчивый звук «м-м-м».

— Стало невидимым, но не исчезло.

Откинувшись на спинку стула, она смерила Тильду пристальным, изучающим взглядом.

— Сколько тебе лет, Тильда? — Гуриндер повернулась к компьютеру, готовясь записать ответы.

— Пятьдесят два.

— Как твое самочувствие?

— Я думала, что нормально.

— Как бы ты описала качество своей жизни?

Тильда прижала четырехпалую руку к груди:

— Ты что, рекомендуешь эвтаназию?

Гуриндер даже не попыталась скрыть недовольствие.

— Не делай выводов на пустом месте. Я имела в виду, счастлива ли ты?

Мысли Тильды забуксовали и увязли. Вопрос совершенно сбил ее с толку. Счастлива ли она? Тильда всегда считала себя позитивным человеком, особенно в молодости; но Том, строивший из себя интеллектуала, называл ее «невыносимой, как Панглосс*». Говорил, что она смотрит на мир через розовые очки. Потому Тильда решила от них избавиться. Она приглушала врожденный оптимизм — сначала целенаправленно, чтобы угодить мужу, а потом по привычке. А теперь...

— Я не то чтобы несчастна, — сказала она.

— Как поживают твои девочки?

Резкая смена темы застала Тильду врасплох, но поговорить о дочерях она была совсем не против.

— У них все отлично.

— Табита по-прежнему учится на ветеринара?

Тильда кивнула:

— И работает волонтером в приюте. Ты же знаешь Таб, она всегда помогала животным, даже в школе.

* Панглосс — персонаж романа Вольтера «Кандид», философ и оптимист. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Этим она пошла в тебя, — заметила Гуриндер.

Верно. Любовь к животным всегда роднила Тильду с дочерью.

— Я неплохо сэкономлю на лечении питомцев, когда она станет ветеринаром.

Гуриндер улыбнулась:

— Не сомневаюсь. Вы часто видитесь?

— Почти каждую неделю, — ответила Тильда. — Она приходит на ужин вместе с бойфрендом.

— Бойфрендом?

— Да, Джессом. Очень милый парень.

— Я недавно смотрела сериал Холли. Она вернулась в Сидней?

— Да, сейчас съемки ведутся там. Холли нашла жилье в городе, и она любит свою работу, — сказала Тильда. — А как дела у Приши?

Гуриндер заулыбалась. Она всегда была рада поговорить о дочери.

— Заканчивает последний курс медицинского. Хочет получить специализацию в инфекционных заболеваниях и иммунологии.

— Какая умница. Передавай от меня привет.

Для такой светской беседы следовало бы заказать флэт уайт. Тильда покосилась на правую руку — ей хотелось поскорее перейти к постановке диагноза.

Гуриндер продолжила допрос:

— После развода ты с кем-нибудь встречалась?

— Нет... не встречалась.

— А когда ты последний раз вступала в половую связь?
При чем здесь это?

— Восемнадцать месяцев назад. Я сходила кое с кем на пару свиданий, но из этого ничего не вышло.

Гуриндер продолжила печатать.

— И это был твой последний половой партнер?

— Да, — соврала Тильда. Был еще один, которого она постаралась как можно скорей забыть, но он не считался.

— Менструации регулярные?

— Пару дней туда-сюда.

— Приливы случаются?

— Нет. — Хотя сейчас Тильде казалось, что она сильно покраснела от всех этих вопросов, не имеющих никакого отношения к ее пальцу или уху.

Гуриндер встала.

— Давай я тебя осмотрю.

Тильда устроилась на кушетке, и Гуриндер проверила ее рефлексы, послушала сердце, замерила пульс и артериальное давление. Затем пальпировала грудь и пощупала железы. Наконец она задернула шторку вокруг кушетки.

— Раздевайся, я возьму мазок.

Гуриндер отошла к столу, а Тильда сняла одежду, аккуратно сложила ее на стуле и нацепила больничную сорочку, после чего улеглась на кушетку.

Как же она ненавидела эти моменты.

Вскоре Гуриндер вернулась, натягивая одноразовые перчатки.

— Подними колени, Тильда.

Тильда подчинилась, разглядывая кабинет с таким интересом, будто никогда здесь раньше не была. Ее взгляд остановился на выцветшем плакате с изображением старушки, кормившей утку. Тильда всматривалась в него так пристально, как если бы это была картина кисти Моне. Гуриндер меж тем достала из упаковки расширитель со шпателем и повернулась к...

— Боже, твоя вагина тоже пропала.

Тильда вскинулась, но врач засмеялась и уложила ее обратно.

— Шучу. Все на месте, милая.

Тильда ответила натянутым смешком, хотя предпочла бы хорошенько врезать Гуриндер. День и без того выдался напряженный, но отсутствие пальца хотя бы можно объяснить на свидании. Она смотрела на старушку с уткой, пока Гуриндер не закончила осмотр со словами:

— Кажется, все в полном порядке.

— Рада это слышать. — Мужчины с трудом находили клитор Тильды, даже когда он был видимым.

— Одевайся, а я займусь твоим направлением.

Тильда неторопливо принялась натягивать одежду, а Гуриндер тем временем звонила по телефону.

— Кейт, это Гуриндер. Моей пациентке нужно как можно скорее пройти обследования... Анализ крови и КТ... М-м-м... Да... да... Отлично. Имя — Тильда Финч. Я ей сообщу.

Тильда отдернула шторку и снова села на стул, пока Гуриндер набирала что-то на компьютере и распечатывала выписку.

— Для тебя найдут окно, — сказала она.

Тильда взглядела в ее лицо, но Гуриндер, с очками и черными волосами, стянутыми в тугую пучок, ничем не выдавала своих мыслей.

Тильду вновь захлестнул страх. Мари Кюри говорила, что жизнь стоит понимать, а не бояться ее, и Тильда попыталась сосредоточиться на этой мысли, погружаясь в знакомую пучину эмоций. Страх обхватил ее длинными костлявыми пальцами, но она попробовала найти рациональный способ с ним совладать. Чего именно она боится? Станет ли ей легче, если она узнает больше? Рационален ли ее страх? Эти вопросы помогали, когда ей нужно было куда-то лететь, но вот со страхом гигантских пауков справлялись хуже. Сейчас же паника и вовсе накрывала ее с головой.

— Ты думаешь, у меня рак?

— Это маловероятно.

— Тогда что?

Выражение лица Гуриндер было непроницаемо.

— Давай не будем спешить с выводами.

— Насколько это серьезно?

— Я предлагаю подождать.

— Гуриндер, прошу тебя. Если я не буду знать, что ты подозреваешь, то сразу вообразу себе самое ужасное.

Гуриндер понимающе кивнула:

— Я подозреваю у тебя невидимость, «инвизибилис морбус» на латыни. Все симптомы налицо, но я не буду знать наверняка, пока не получу результаты анализов.

Тильда прищурилась.

— Я не понимаю.

— Невидимость, — пояснила Гуриндер. — Ты становишься невидимой.

Тильда уставилась на нее в растерянности.

— Я слышала об этом от некоторых женщин, но думала, что это метафора. Или что-то крайне редкое.

Гуриндер продолжила:

— На самом деле среди женщин старшего возраста это заболевание довольно распространено.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. У большинства невидимых женщин первые симптомы проявляются после пятидесяти, но одной моей недавней пациентке было всего тридцать с небольшим. Очень тяжелый случай. Она проснулась с невидимой головой.

— Я исчезаю?

— Этот термин больше не используется. Активисты считают его некорректным. Женщины, страдающие невидимостью, не исчезают в буквальном смысле слова. Ты можешь стать невидимой, но ты точно не исчезнешь. Это разные вещи.

— Меня не будут видеть?

— Верно.

Снова то самое слово, но на этот раз — в более уместном контексте.

— Девочки не будут меня видеть? — Голос Тильды зазвенел от напряжения.

— Сложно сказать. Все зависит от того, как будет прогрессировать заболевание.

— А как оно будет прогрессировать?

— Мы не знаем наверняка. Невидимость поражает преимущественно немолодых женщин, и потому, как ни печально это признавать, ее исследования крайне плохо финансируются.

— Почему женщины совсем об этом не говорят?

— Ты права, ситуация плачевная, но существует движение, распространяющее эту информацию. От невидимости, как и от перименопаузы и менопаузы, страдают в основном женщины в возрасте. Однако до недавнего времени мы не обсуждали эту проблему даже между собой. Теперь же все меняется.

— А вдруг у меня не невидимость?

— Это возможно, потому я и хочу исключить другие диагнозы. Давай не будем торопиться с выводами, а дождемся результатов исследований. — Гуриндер вручила Тильде сложенные направления. — И очень тебя прошу, Тильда. Сделай нам обоим одолжение и не лезь в Google.

4

*Одни говорят, что Google — Бог.
Другие говорят, что Google — Сатана.*

СЕРГЕЙ БРИН, соучредитель Google

Пино-нуар или шираз? Какое вино больше подойдет исчезающей женщине? Тильда взяла по бутылке и того и другого, а потом, прихватив ноутбук, пошла вверх по лестнице. Сейчас ей как никогда хотелось укрыться в спальне. Она всегда пряталась там от невзгод. После развода с Томом Тильде страшно не хотелось проводить время в комнате, которую они когда-то делили, и поэтому она наконец-то претворила в жизнь давний замысел: переоборудовала чердак в дополнительную спальню. От пляжа коттедж отделили две улицы, однако он стоял на возвышенности, благодаря чему из больших окон открывался вид на океан. Высокий наклонный потолок, белые балки, деревянный пол и природная цветовая гамма всегда успокаивали Тильду. Она разделась и укуталась в теплый халат. Только забравшись под одеяло она вдруг поняла, что совсем забыла взять бокал... Но рядом не было никого, кто увидел бы, как она пьет прямо из горла.

Пират запрыгнул на кровать и устроился у нее в ногах. Сделав глоток для храбрости и успокоения, Тильда, вопре-

ки совету Гуриндер, принялась гуглить. Результаты были неутешительными.

Процент женщин, страдающих невидимостью, оказался намного выше ожидаемого.

Чаще всего встречается у женщин после пятидесяти, когда яичники перестают вырабатывать эстроген; однако причинно-следственной связи между невидимостью и уровнем гормонов не выявлено.

Если вас не замечает обслуживающий персонал в магазинах или барах, вам не перезванивают после собеседований и не повышают на работе, у вас может быть начальная стадия невидимости.

Свыше восьмидесяти процентов больных жалуются на невидимость в буквальном смысле или на то, что их «не видят».

Примерно у семи процентов больных исчезают части тела.

Одна из ста женщин с диагнозом «невидимость» исчезает целиком.

Необходимы дальнейшие исследования.

Недостаток финансирования.

Недостаток научных работ.

И так далее, и тому подобное...

Тильда знала, что найти в интернете что-то полезное не легче, чем иголку в стоге сена, но все же расстроилась. Почти все источники сходились на том, что невидимость не лечится, за исключением одного сайта об альтернативной медицине, который сообщал:

Утверждения о связи между невидимостью и употреблением молочных продуктов беспочвенны. За долгие годы работы натуропатом я не обнаружила никаких доказательств того, что этот недуг связан с диетой. С другой стороны, многое указывает на физические, эмоциональные, интеллектуальные и духовные истоки невидимости. Чтобы излечиться, вы в первую очередь должны понять: каждая женщина, победившая эту болезнь, действовала проактивно. Вот ключ к исцелению. Вы должны быть проактивны с самого начала. Что скажете?

«Проактивны»?

Тильда скривилась от одного только слова. Ее раздражали все эти новомодные выражения, которых было не найти в нормальных словарях. Другим таким словом был «лайфхак». Как же оно ее бесило. Один из координаторов по маркетингу на работе недавно заявил, что ее кон-

тейнеры с едой — это отличный лайфхак, который экономит ей сотни долларов в год. Тильда невольно огрызнулась: «Черт побери, Мин, приносить еду на работу — это никакой не лайфхак».

Другим ненавистным ей словом была «мантра». #ЖизненнаяМантра... Настоящая мантра должна быть на санскрите.

Вот и от слова «проактивный» веяло чем-то подобным. Что бы оно там ни значило. Тильда вдруг поняла, что очень остро реагирует на что-то, чего толком не понимает. Плохая привычка.

Она вернулась к поисковой строке.

Проактивный: проявляющий инициативу, а не просто реагирующий на то, что происходит вокруг.

Антоним: реактивный.

Да, так стало понятней. Большую часть времени Тильда и правда лишь реагировала на события. Вот и сейчас она пила шираз из бутылки, лежа под одеялом в халате. Ее это успокаивало. Но если исследования гласят, что проактивность поможет одолеть невидимость, то Тильда будет проактивной. Она проактивно станет проактивной. Надо только понять как. Обычно все это саморазвитие и поиски себя были Тильде не по душе. Забавно, если вспомнить о ее бизнесе.

Барабанная дробь...

Тильда зарабатывала на мантрах, лайфхаках и мотивирующих мемах. Она управляла фирмой «Знак свыше», специализирующейся на продаже плакатов, футболок, кружек... Всего, на чем можно напечатать вдохновляющий афоризм. Тильда и Лейт были не только подругами, но и партнерами по бизнесу. Они познакомились в туалете ночного клуба в конце восьмидесятых: сначала заметили, что одеты в одинаковые вязаные шортики, якобы уникальные, а затем, стоя у зеркала, обсудили свою горячую любовь к помаде Wine with Everything от Revlon. С тех пор Лейт и Тильда были неразлучны, и их последующим бойфрендам и мужьям пришлось с этим смириться. Они часто обсуждали разные творческие замыслы, но лишь беспроектная скука первых дней материнства сподвигла их воплотить идею в жизнь. Лейт, увлекавшаяся метафизикой, придумала, как не сойти с ума.

— Иногда, когда я просыпаюсь и понимаю, что впереди у меня целый день кормления грудью и песенки The Wiggles*, мне хочется кричать, — поделилась Лейт. — Я люблю Лулу, но материнство — тяжелый труд.

— А представь, как сложно с двойняшками, — пробубнила вымотанная Тильда. — У меня не всегда хватает сил одеться.

— Ты настоящая воительница. — Ее лицо вдруг прояснилось. — Давай сделаем колоду мотивирующих карт для мам.

* The Wiggles — австралийская группа, выпускающая музыку для детей.

— Типа таро?

— Нет, карты с цитатами. Достоешь одну карточку в день, чтобы цитата тебя вдохновила и утешила. Помогла начать день. И одеться.

— И никому не врезать, — добавила Тильда.

— Именно. Дурацкая затея, я знаю, — сказала Лейт. — Но мы можем подобрать для каждой цитаты красивое фото. У тебя будет повод погулять с фотоаппаратом, а я люблю разные афоризмы. Будем продавать колоды на ярмарках или что-то вроде того.

— Никто не станет их покупать. — В этом Тильда была уверена даже без карт таро.

— Может, и не станет, но зато делать их будет весело.

Лейт была права, и Тильде действительно хотелось заниматься творчеством, которое не включало цветные карандаши или детские песни.

— Давай попробуем!

«Дурацкая затея» выросла в успешный бизнес.

За первые несколько месяцев Тильда сделала семьдесят восемь потрясающих фотографий (получив в процессе огромное удовольствие), а Лейт подобрала к каждой из них вдохновляющую цитату.

Лейт верила в карты всем сердцем. Тильда заразилась ее энтузиазмом и тоже начала в них верить. К тому же ей нравилось заниматься творчеством вместе с лучшей подругой, пока их дочери играли рядом. Чудесное было время. А потом, к ее удивлению, они распродали все колоды на первой же ярмарке. Дополнительный тираж

имел не меньший успех, и им пришлось напечатать еще больше колод. Вскоре карты обрели настоящую популярность, и Тильда с Лейт начали продавать на ярмарках мотивационные плакаты, открытки, дневники и кружки. Им позвонили из сети магазинов Aldi, чтобы устроить распродажу их товаров, которая с тех пор повторялась каждый год. Тильда и Лейт поняли, что нашли золотую жилу. Они придумали для бизнеса название, после чего к команде присоединился Зигги, увлекавшийся медитацией и маркетингом, и помог развить их безобидное развлечение. Они не разбогатели в одночасье, но прибыль постепенно росла день ото дня. В течение нескольких лет они упорно работали: сначала за кухонными столами, потом в небольшом магазинчике, а теперь — в местном бизнес-центре. Как ни странно, пандемия коронавируса пошла их бизнесу на пользу. Всем хотелось немного вдохновения.

Собственный успех казался Тильде скорее случайностью, чем предназначением. В фундаменте ее жизни залегло неразрешимое противоречие, разрыв между тем, во что она верила, и тем, чем занималась. Нельзя сказать, что продаваемые афоризмы хоть немного ее вдохновляли. А вот Лейт и Зигги верили в них всей душой. Они считали, что воплотили в жизнь процветание фирмы силой мысли. Тильде же казалось, что она всего лишь гуляла с фотоаппаратом и развлекалась с подругой, а деньги — просто приятный сюрприз. Тома, который считал, что она витает в облаках, успех бизнеса и вовсе поверг в шок.